

Бёрнер Вася

# Пикник со спецназом

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Бёрнер Вася

## Пикник со спецназом

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70619026](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70619026)*

*SelfPub; 2024*

### Аннотация

В такой военно-политической обстановке к нам на Зуб Дракона прибыла толпа странно обмундированных пацанов. Они вылезли к нам на пост во второй половине августовского дня, из скал, со стороны полка, расположились и сказали, что переночуют, а утром пойдут дальше. Какую задачу они выполняли, мне, как всегда, не доложили. В последствии я так и не узнал, куда их гоняла фронтовая судьбина, обратно они выходили не через Зуб, поэтому, где были и что делали, мне рассказать не смогли.

# Бёрнер Вася

## Пикник со спецназом

В августе 1984 года на горе Зуб Дракона закончилась еда. Вертолёты очень долго не прилетали, следовательно, продукты питания не привозили. Такое положение дел случалось не впервые, но в предыдущие разы нас выручала жарчка, оставленная в духовском блиндаже. Консервы «Глобус», набросанные там грудой, были вкусными и питательными. Но не бесконечными. К августу 1984-го их запасы иссякли, но четырнадцать военных гарнизона поста Зуб Дракона жрать не расхотели.

На нудном, долгом и холодном ночном дежурстве я с голодухи думал про еду всякую фигню. Она полагалась нам ежедневно, ибо мы стояли на довольствии. Значит снабженцы должны были её нам сначала начислить, а потом списать. Мне было интересно, куда делась еда, если её списали, но нам не выдали? Такая хрень происходила на протяжении, как минимум, полутора месяцев. Если четырнадцать рыл умножить на 45 дней, получится невыданных 630 комплектов сухпайка. Почти тонна жратвы (882кг), полгрузовика ГАЗ-66. Куда всё это делось? Имелся явный повод для подозрений.

И, как говорится, не напрасно. Весной 1985 года в Рухе провели показательный суд. Нас, солдат и сержантов, туда

загнали приказом, то есть, насильно. На том процессе осудили шестерых солдат из нашего полка за то, что они устранивали хищения продуктов питания, вывозили их из Рухи и продавали в дуканах Чарикарской долины. Главным организатором суд признал писаря из штаба полка. Но самый большой срок дали не ему. По образованию я химик, а не старший следователь, но всё же умею складывать хрен с пальцем. Судом было установлено (а значит это непреложный факт), что в полку действовала отработанная схема вывоза продуктов питания из Панджшера, а гнездилище данной деятельности находилось в штабе полка. Всем понятно, подневольный писарь-солдат не мог распоряжаться сотнями килограммов продовольствия, грузовиками и сетью дуканов. Такие вопросы мог решать лишь начальник соответствующего подразделения. Но суд признал организатором писаря, не начальника. И назначил самый маленький срок. Лично мне очевидно, что писарь был «пешкой», им прикрыли настоящего организатора-начальника, солдат согласился взять вину на себя, за это ему и дали по минимуму, полтора года, а бойца по имени Богдан осудили на шесть лет, почувствуйте, как говорится, разницу.

Если я ошибаюсь, то попробуйте объяснить, почему нашему гарнизону не выдали продовольствие. Предположим, две недели не было возможности доставить провизию на пост. Но потом такая возможность появилась, вертолёт прилетел. Почему же начальник не загрузил в него ранее не выдан-

ные нам комплекты сухпайков? Куда он их дел, списал? Ну да, понимаю. А физически куда дел? Писарю отдал? Очень смешно. А самое главное – незаконно.

После того как на Зубе Дракона закончились душманские консервы «Глобус», мы начали принимать в пищу всякую дрянь. Часть советского армейского сухого пайка составляли, «сухари обдирные». Были они настолько прочные, что, если положить такой сухарь себе на ладонь, а затем классическим прямым ударом заехать в лобешник любому военному, тот непременно сядет на штаны. А сухарь, скорее всего, не сломается. По большому счету, мне нет дела до прочности тех сухарей. Пока в них нету плесени. Но как только плесень заводилась в этой прочной субстанции, вытащить её оттуда не представлялось возможным.

Хранились сверхпрочные сухари в бумажных пакетах.



Подобная упаковка не защищала от влаги и прочего ненадлежащего хранения, соответственно, сухари массово портились. При попытке размочить заплесневелый сухарь в воде (по инструкции), вода с плесенью пропитывала оставшуюся условно-съедобную часть и превращала её в полностью несъедобную. То есть, по инструкции сухари использовать было невозможно. А что с ними делать? Зубилом выдалбливать плесень? Дык не выдали нам зубила, а доставленные на Зуб Дракона сухари не просто поразила плесень, она образовала зелёную крупнозернистую массу. Станет это кто-

нибудь кушать? Пока в блиндаже лежали душманские консервы, почему-то мне не хотелось.

После того как полк ушёл куда-то на операцию вместе с вертолётками и консервы закончились, я приволок имевшиеся пакеты с сухарями, принялся сортировать. Самый страшный зелёный крупнозернистый яд сложил в отдельные пакетики. А то, что, более или менее, можно было морщиться, но жрать, запихал в другие.

Пакетов с зелёным ядом у меня получилось шесть. Самую страшную плесень я не выкинул лишь из соображений уважения к хлебу, отложил этот ужас в сторонку и уже собирался забыть, но тут ко мне неожиданно пришли пацаны с высоты 3070 (то есть, с поста №20) и попросили пожрать.

Ко мне пришли, потому что я дежурил на Третьей точке, а пацаны шагали по тропе с вертолётки на мой пост.

– Стой, кто идёт! – крикнул я, как положено.

В ответ услышал вопрос про еду. У меня имелись шесть пакетов с плесневелой трухой, я их показал. Пацаны сказали, что согласны это употребить в пищу и спросили:

– Чё за них хочешь?

Я сказал:

– Жить хочу. Если имеете «сигналки», то поделитесь.

У меня не было в мыслях устраивать торг, я бы отдал эти шесть пакетов безвозмездно, но они сами спросили, что мне надо. Нам самоходка пожгла все сигнальные мины, когда стреляла по нашему посту, а мне его оборонять надо было и

в ночное время тоже.

Ни торга, ни препирательств у нас не произошло, пацаны молча забрали плесневелые сухари и ушли на свой пост. Через полчаса вернулись и вручили мне две с половиной заводские упаковки сигнальных мин. А я с ужасом подумал, раз люди собрались жрать такое безобразие, между прочим, опасное для здоровья, то, значит, им хуже, чем мне. А если это так, то к моим 882-м килограммам невыданного сухпайка надо добавить столько же. Его не выдали этим пацанам. То есть, с двух постов снабженцы украли грузовик сухих пайков. Родина произвела для нас жратву, военные водители отвезли её по минам и фугасам в Руху, рисковали жизнью, но доставили в пункт назначения. А мы, по итогу, остались на горе голодными. Настолько голодными, что сухари обдирные с плесенью обменивали друг с другом на сигнальные мины. И что в таком случае я должен был думать про снабженцев?

К счастью для нас, Родина производила не только сухари обдирные с плесенью. Кроме них у нас на Зубе Дракона завалялась пара ящиков со стеклянными литровыми банками. В них содержался комбижир, перемешанный с варёной капустой. Этикетка на банке гласила «Щи армейские». Теоретически, эту субстанцию можно было скушать, то есть, помякать зубами в ротовой полости и проглотить внутрь туловища. Сильно большого вреда организму это не должно было причинить, ибо снадобье не токсичное. Но, бесполезное. То есть, ни вреда, ни пользы человеку от него быть не долж-



но. Комбижир промышленность изготавливала из химически устойчивых насыщенных парафинов, которые не вступают в реакцию с ферментами нашего организма. Такая «еда» была прямая, как дышло, что вошло, то вышло. Ну и капуста тоже особой пищевой ценностью не обладала, особенно варёная. Казалось бы, зачем пытаться проглотить такое варёво? Ответ простой – солдату надо что-то жрать, он не может долго протянуть на одной плесени, её требовалось чем-то закусить. Однако наукой достоверно установлено: пытаться употреблять «Щи армейские» – это бесполезное времяпрепровождение. И отвратительное, насчёт вкусовых ощущений.

Как эти стеклянные банки не расколотили при разгрузке, я не знаю. Наверное, экипаж вертолётки с бортовым номером 96 привёз их и разгрузил по-человечески, с рук на руки, а не с высоты птичьего полёта на минное поле. После разгрузки мы вскрыли одну банку, попробовали содержимое, пришли к выводу, что пока имеются душманские консервы, то щи жрать невозможно. Не, ну тоже приколы! Духов снабжали так, что консервы горкой валялись в блиндаже. А солдата Советской армии как? Что это за херня?!

В такой военно-политической обстановке к нам на Зуб Дракона прибыла толпа странно обмундированных пацанов. Они вылезли к нам на пост во второй половине августовского дня, из скал, со стороны полка, расположились и сказали, что переночуют, а утром пойдут дальше. Какую задачу они

выполняли, мне, как всегда, не доложили. В последствии я так и не узнал, куда их гоняла фронтовая судьбина, обратно они выходили не через Зуб, поэтому, где были и что делали, мне рассказать не смогли.

Их форма отличалась от нашей, на всех были выцветшие хэбчики с карманами, на головах – кепки с пуговкой сверху.



Между собой мы называли такую форму спецназовской, соответственно, пацанов называли спецназовцами. По возрасту они были, как мы и являлись солдатами срочной службы. Во главе взводов у них стояли офицеры, в замыкании – большой лохматый пёс по кличке Душман. Логика присвоения клички мне была понятна, а смысл поступка не очень, я

решил прояснить тему, задал пацанам вопрос:

– Зачем вы таскаете за собой это лохматое чудовище?

В ответ услышал единодушно многоголосие:

– Да не, ты чё! Душман шарит!

– Да он по горам, как электровеник шпарит!

– Он душманов за версту чует!

А дальше понеслись рассказы о том, как он мины в толще литосферы вынюхивает, вертолёт в грозовых облаках разглядывает, чуть ли не кипятком отливает, золотыми слитками личинки откладывает и фиалками в разные стороны ароматы испускает. Слушал я всю эту бредятину и почему-то никак не мог вспомнить, когда в прошлый раз видел грозовые облака в прозрачном Панджшерском небе.

В тот час шла смена моего дежурства, я сидел, дежурил, смотрел по склонам, контролировал подходы с вертолётки. Понятное дело, выходки Душмана мне тоже пришлось наблюдать, хотел я того или не хотел.

Развитие драматургии дня продолжилось тем, что Душман на Третьей точке оказался не один. Одну кудлатую собаку я как-нибудь смог бы потерпеть, но кроме этого лохматого чудища в дело вступила Тяжелая Артиллерия в лице сержанта Манчинского. Старший третьей точки гордо восседал на зелёном ящике и попирал своими стопами россыпь расклёпанных «трассеров». Для тех, кто в бронепоезде, для тех, кто не втыкает, поясню, что капсуль в такой гильзе остаётся целым. Он не пробит бойком, этим патроном выстрел

не производился, внутри остался заряд гремучей ртути, а он нехорошо реагирует на сжатие. Наш начальник точки, товарищ Манчинский, взял в руки топор, поднял с земли расклёпанный «трассер» положил его на камень и начал от нехрена делать постукивать обушком по «жопке» гильзы.

– Тук-тук-тук!

Донышко гильзы начало сплющиваться под ударами обуха. А в сплюсненном донышке выдувался назревшим прыщом непробитый капсюль.

– Бах! – В конце концов выстрелил капсюль, и полетел в хаотически выбранном направлении с мелодичным звуком: – Дз-з-з-з-з!

Нормальный человек должен в такой ситуации сказать: – «Ой!», и быстренько бросить топор на землю. Потому что люди кругом, можно уязвить кого-нибудь. Но сержант Советской Армии, охреневший на Зубе Дракона от Зуба Дракона сказал: – «Ага, бля!». И поднял следующий патрон с расклёпанным «трассером».

А дальше в окрестностях начал, как говорится, «раздаваться топор дровосека»:

– Тук-тук-тук! Бах!!! Дз-з-з-з-з!

– Тук-тук-тук! Бах!!! Дз-з-з-з-з!

Весёлый прикол продолжался до тех пор, пока не превратился в грустный. Очередной капсюль угодил мне в кисть правой руки аккурат между средним и безымянным пальцами.



Хорошо, что не в глаз, ибо удар был настолько сильный и болезненный, что я начал приплясывать и завывать от боли. Пёс Душман задрал голову в сторону подпертой доской масксети и принялся завывать вместе со мной. В приступе вокального экстаза я замахнулся сапожищем, решил дать пинка, как собаке, чтобы не дразнилась, чума хвостатая. Но спецназовцы начали стыдить меня:

– Да как ты мог! Душман тебе сопереживает!

Пока я выл и прыгал под масксетью, Манчинский метнулся на Вторую точку за перевязочным пакетом. Он выскочил через бойницу АГСa и понёсся вдоль скалы к окопу Бенде-

ра, схватил там ИПП, побежал обратно тем же путём. Бежал-бежал, торопился-суетился, в результате грохнулся. Да не просто грохнулся, а поехал на пятой точке по склону до кучи пустых консервных банок, влетел в них. Банки покатались. Манчинский на этом «роликовом подшипнике» преодолел метров десять вниз по склону, как положено, с грохотом, звоном банок и русскими матюгами. А пёс по имени Душман в это время соперничал мне и скулил во всё собачье горло под масксетью. Хоть бы фамилию спросил, кто там, за бруствером хулиганит, тоже мне, сторож!

Манчинский кое-как остановился на гадских банках, чуть на минное поле не выкатился. Поднялся, отряхнулся, вымастерился пуще прежнего и начал подниматься на пост.

Пёс по имени Душман проигнорировал и это движение.

Манчинский подобрался к бойнице АГСа. Собака по имени Душман не отреагировала и на это тоже. Манчинский поднял масксеть, закрывавшую бойницу, пролез внутрь поста. Тут Душман прозрел, обрёл обоняние и слух, залаял и кинулся на Манчинского.

– Иди нахрен, дурак! – Сказал Манчинский и толкнул Душмана в рыло локтем. Душман всё осознал и немедленно пошёл, куда послали.

– Пацаны, что это у вас за собака? – Я перестал прыгать. – Зачем это тупое существо вам нужно в горах?

– Да, не! Да, ё-маё! Да это – суперский барбос! Он за версту всех чует. – Был дан мне ответ.

Ыгы, я только что видел, как он чувствует. Пока в СПС не ввалишься, он ничего не видит и не слышит. А если ввалился, то дай ему с локтя в рыло ... и всё, и кончится сторожевая собака. Никакого толку от неё, только вой, шум и демаскировка позиции.

Доставленным перевязочным пакетом Манчинский замотал мне руку. Кисть распухла. Саня сделал сдавливающую повязку. Потом пришла ночь и все отрубались. Моя смена была дежурить, я не спал, а рядом со мной не спал один из спецназовцев. Он дежурил от их подразделения, а я от гарнизона Зуб Дракона.

Как только окружающие угомонились и захрапели, пацан выкатил мне предложение:

– Ты раненый. Давай обезболим?

– Давай. А чем?

Спецназовец вытащил откуда-то сигарету, грит:

– Тут на всех не хватит. А тебя точно надо полечить.

Сначала я не понял, о чем он, потом до меня дошли смутные предположения, я поколебался немного – на посту, всё-таки.

– Не откладывай на завтра, его может не быть. – Сказал пацан и тем развеял мои сомнения. В самом деле, кто на нас дёрнется? На такую толпу? В общем, я согласился.

Пыхнули мы со спецназовцем, он «забычковал пяточку» в горку пороха, которая ждала, когда нас пробьёт на приколы. Порох загорелся, зашипел, осветил Зуб Дракона и Пан-

джшер чуть ли не до выхода в Чарикарскую зелёнку. Конечно же, душманы ни о чем не догадались, как и про собаку. Раньше на Зубе Дракона собака не лаяла, а теперь лает. Духи не допрут, конечно, что к нам на Зуб кто-то пришёл с собакой. Тупые дехкане, чё возьмёшь?

Тем временем нас обоих пробило на пайку. Вежливо и культурно я спросил пацана:

– А чё жрать-то будем?

– Не знаю, как у вас, но у нас тоже не знаю. – Вполне закономерно ответил обкуренный пацан. В этот момент я вспомнил о стеклянных банках с комбижиром и выступил в роли хлебосольного хозяина:

– Щи армейские будешь?

– Я сейчас, как паровоз, я сейчас даже торф буду. – Ответил пацан и заржал, как беременный павиан.

С этого начались наши приколы. Пока я возился с душманской сковородкой, пристраивал на трёх камушках, накладывал капусту с комбижиром, сыпал в неё душманскую серую муку и разжигал колбаску аммонала, из нас двоих поперла «изящная словесность»:

– Сколько волка не корми, он всё равно в горы смотрит!

– Сколько волка не корми, столько дней он не ест!

– Сколько волка не корми, он всё равно подохнет!

– Сколько волка не корми, у ишака всё равно хрен толще!

Мы ржали, как дурные и демонстрировали народную мудрость: «Ничто так не выдает человека, как то, над чем он



смеётся». На наше счастье сон у наших товарищей был богатырский, у душманов тоже. Нас никто не побеспокоил. В ночной, как говорится, тишине, зажженный под сковородкой аммонал засвечивал мне пламенем глаза, я не видел, что делается в сковородке, левой рукой держал её за ручку, правой забинтованной пытался перемешивать варево. Боли в травмированной кисти я не чувствовал, орудовал ложкой, как дирижер лопатой. В результате бинт на руке пропитался комбижиром, обмундирование моё покрылось варёной капустой, мешанина в сковородке перегрелась, задымилась и пустила отвратительную вонь. Пацан оценил мои старания:

– В твою честь могут назвать улицу! Жалко, люди всё равно не будут знать, кто ты.

Он сказал и принялся ржать, как в последний раз, я помогал ему изо всех сил. Ночь была темна и безветренна, а на высоте 2921 ярко горел аммонал, по окрестностям распространялась вонь от пригоревшего комбижира и дикий хохот. Спецназовец и горный стрелок устроили пикник на природе, жарили щи армейские с душманской мукой.

Кое-как приготовили и выжрали на двоих первую порцию. Пацан грустно подвёл итог:

– Поздно пить воду, когда она закончилась.

Мне показалось невозможным бросить его в таком состоянии, я затеялся готовить второе блюдо из тех же ингредиентов. Спецназовец дал оценку и этим действиям:

– Мужик это не тот, кто жарит мясо, а тот, кто может под-

готовить его к жарке.

После приготовления второй порции в стеклянной банке осталось капусты слоем на два пальца в толщину, но пацан сказал, что он больше не паровоз и не хочет торфа. Банка с остатками капусты осталась стоять на камне.

Через какое-то время нас сменили, мы заползли в СПС и отключили сознательность.

Поутру меня растрясли мои дорогие товарищи и выпихнули на пост. Спецназовцы к тому времени ушли на своё ответственное задание, а я остался один грустить на Третьей точке. Долго ли грустил, коротко ли, но в конце концов разглядел на скале открытую банку. В ней неожиданно обнаружил комбижир с капустой, слоем на два пальца, и толстых черных муравьёв – на три. Эти гады воспользовались моим беспомощным состоянием, пока я спал, и с особым цинизмом надругались над моим хавчиком. То, что хавчик был условно съедобный, это другой вопрос, это не их, как говорится, собачье дело. Их бесцеремонность вызвала у меня возмущенье. Хрен бы с ним, если бы стащили пару вонючих капустин и сволокли в свой хренов муравейник. Им бы до весны хватило, а нас бы не сильно обездолило. Но зачем загибать всю банку? Еда поганая, но она наша, какая ни есть, но еда. А что мы будем делать после того, как она закончится? Так что, надо было экономить, но муравьи испортили остатки пищи. За это я решил покарать их суровой карой, засыпал банку под завязку песком, чтобы муравьи не разбе-

жались, они через песок плохо бегают. Затем взял алюминиевый детонатор, который мне сапёр Сеня оставил от своих щедрот. Нацепил его на кусок ОШ (огнепроводного шнура). Обжал внутри своей головы зубами, засунувши детонатор себе в рот. Во время этого действия я умилялся собственной крутости и сожалел, что меня не видят мои одноклассницы. Созданную зажигательную трубку засунул внутрь банки сантиметров на десять, поджёг шнур от бычка, поставил банку на камень, отошел на несколько метров и расположился на зелёном ящике, как в зрительном зале. Пока шнур горел, я пыхтел окурком и гордился собственными сапёрскими способностями.

Детонатор, гад, долбанул в самый неподходящий момент и разнёс банку в клочья. Комбижир с песком и муравьями веером полетел в разные стороны. И в мою в том числе. Не успел я как следует испугаться, мне под левый глаз прилетел ком комбижира, перемешанного со подохшими в нём муравьями и издал противный звук:

– ШМЯК!!!

Хорошо, что без стекла, хорошо, что не в глаз!

От звуковой волны детонатора из СПСа выскочил Манчинский:

– Что, обстрел?!

– Не, Саня, всё нормально. – Я растёр рукавом комбижир с муравьями по чумазому лицу и успел подумать: – «Всё-таки, блин, хорошо, что одноклассницы меня не видят».

– Что у тебя с харей? – Саня спросонья никак не мог понять, что произошло.

– Я банку разбил... нечаянно. Испачкался немного. Иди спи, всё нормально, пикник закончился почти без потерь, не считая мелкого морального ущерба.